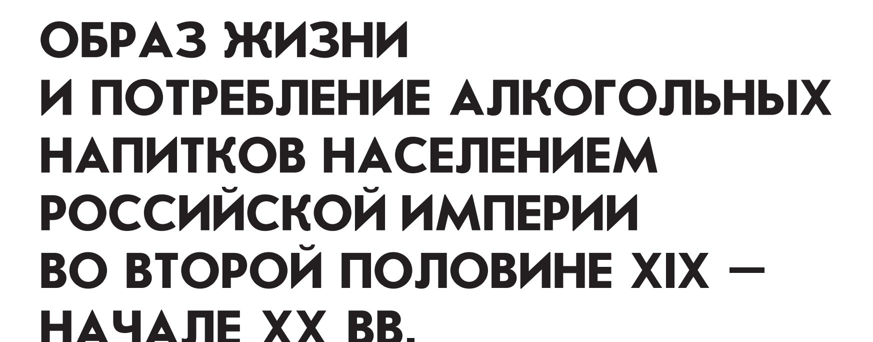
УДК 94(47)

А. Г. БЫКОВА

Омский государственный педагогический университет

ОБРАЗ ЖИЗНИ И ПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЬНЫХ НАПИТКОВ НАСЕЛЕНИЕМ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

Статья посвящена характеристике потребления алкогольных напитков населением Российской империи во второй половине XIX — начале XX вв.

Ключевые слова: история России, потребление алкогольных напитков.

Глава МВД России Р. Нургалиев, выступая перед депутатами Государственной думы в конце октября 2008 г., заявил, что потребление алкоголя в России на душу населения в два раза выше предельного уровня, определенного ВОЗ в качестве смертельно опасного для здоровья. Употребление алкогольных напитков является постоянной составляющей жизни человечества на протяжении многих веков. Искоренить или резко снизить принудительными методами потребление алкоголя населением в короткие сроки не удалось за последние два столетия ни одному правительству в мире. Проблема пьянства как социального явления привлекает к себе внимание и является объектом научных исследований уже в течение нескольких веков, мировая литература насчитывает тысячи томов, в которых рассматриваются самые разнообразные аспекты алкогольного вопроса.

В научной литературе «образ жизни» определяется как категория, характеризующая особенности и условия жизнедеятельности людей в обществе, социальной группе, территории и т. д. Сегодня общепризнано, что потребление алкоголя, будучи средством удовлетворения определенных человеческих потребностей (повышение настроения, снятие стрессов, напряженности, забвение жизненных тягот и забот и т. д.) является неотъемлемым элементом образа жизни, культуры и быта многих народов.

По данным Министерства финансов, с 1863 г. по 1910 г. общее потребление алкогольной продукции составило 90 миллионов ведер водки крепостью в 40°, в то время как душевое потребление вина сократилось с 1,23 до 0,56 ведер водки крепостью в 40°. В 1913 г. потребление водки на душу населения в среднем по России составило 0,30 ведра [1].

Научные исследования медицинских работников показали, что уровень потребления алкогольных напитков в городе и деревне существенно отличался. К примеру, в Санкт-Петербурге в 1904 г. душевое потребление алкогольной продукции составило 1,91 ведра водки крепостью в 40°, в уездах — 0,75 ведра водки крепостью в 40°. В Самаре, соответственно, — 1,66 и 0,46 ведра водки крепостью в 40°. В Акмолинской области, соответственно, — 1,40 и 0,18 ведра водки крепостью в 40°.

С. А. Первушин, анализируя уровень потребления алкогольных напитков разными категориями населения, пришел к следующему заключению: «1) Потребление спиртных напитков в больших городах в 4 — 4,5 раза больше крестьянского потребления; 2) потребление спиртных напитков в рабочих кварталах города в 3 — 4 раза больше потребления в кварталах состоятельных классов; 3) городские рабочие кварталы — очаги нашего пьянства» [2].

24 октября 1898 г. доктор медицинских наук, редактор журнала «Вестник трезвости» Н. И. Григорьев, выступая перед членами Комиссии по вопросу об алкоголизме, мерах борьбы с ним и для выработки нормального устава заведений для алкоголиков с докладом «О пьянстве среди мастеровых в г. Санкт-Петербурге», сказал: «Петербургские мастеровые пьют довольно своеобразно. Имеются, например, субъекты, которые, не выпив... водки утром, за чаем, — не примутся за работу... Нам нередко попадались люди, которым в день выпить 1 — 2 бутылки водки нипочем, — и они даже за трезвых и степенных людей слывут!».

Картина потребления спиртных напитков петербургскими рабочими, нарисованная Н. И. Григорьевым, характерна и для других городов. В дореволюционной периодической печати, в научных докладах, прочитанных на съездах, комиссиях постоянно приводились данные безудержного пьянства. «До прекращения продажи водки, сообщает один фабрикант Москвы, были мастера, которые загуливали по два — три раза в зиму; были и такие, которые после каждой получки жалованья, 1 и 15, гуляли 2 — 3 дня, иногда и неделю». Неудивительно, что в конце XIX — начале XX вв. во многих городах достаточно частым явлением стали кордоны женщин и детей у проходных предприятий в дни зарплаты. Нередко женщины устраивали стихийные митинги протеста против непрекращающегося пьянства их мужей.

Впечатляющая картина пьянства среди фабричного населения, обусловленная его экономическим положением, была описана в двух докладах П. А. Распопова, автора единственного в своем роде исследования «О положении питейного дела в Богородском уезде Московской губернии». Положение фабричных рабочих в Богородском уезде (самом крупном в Московской губернии по масштабам фабрично-заводской деятельности) автор характеризует как крайне безысходное. Месячный заработок мужчины равняется в среднем 11,25 руб., женщины — 7,60 руб., под-

ростка — 4,55 руб. В казармах, в которых живут рабочие, отсутствуют средства гигиены. Рабочие спят вповалку на грязных нарах в той же атмосфере, которую оставила после себя смена, только что ушедшая на работу (вентиляция зимой не полагается). Все съестные припасы рабочие вынуждены приобретать в фабричной лавке, где их обсчитывают, обвешивают и отпускают залежалый товар. Эксплуатация детского труда применяется в широких размерах. Медицинская помощь поставлена крайне плохо. На 2 957 подростков, работающих на фабриках Богородского уезда, имеется 6 школ, в которых обучается 461 ученик, т.е. 15,5 % всех подростков. Старые рабочие, потерявшие работоспособность, не получают никакого пособия от фабрикантов. Положение кустарей ещё хуже, заработок ниже, а продолжительность рабочего дня больше, дети эксплуатируются с самого раннего детства (иногда с 6 лет). Неудивительно, что пьянство в Богородском уезде приняло огромные масштабы. Количество питейных заведений в уезде в 1839 — 1897 гг. увеличилось почти в семь раз, а душевое потребление крепких напитков вдвое превышает среднее потребление губерний центрально-промышленного района [3].

На потребление спиртного рабочими влияют и такие факторы, как высокая продолжительность рабочего дня; «дурное и недостаточное» питание; антисанитария квартирных помещений, связанная с недостатком света, воздуха, тепла, сухости, чистоты, и скученность. Все эти факторы, сопровождающиеся чувством разбитости, расслабленности, недомогания, подавленным и мрачным настроением духа, недовольством, раздражительностью, неохотой и даже отвращением к работе, порождают более или менее напряженное влечение к искусственному возбудителю — алкоголю, доставляющему минуты временного «забытья».

Потребление крепких напитков среди крестьянского населения носило бытовой, почти обрядовый характер. «Деревенское потребление определяется, главным образом, обрядовыми мотивами, установившимися общественными обычаями, а не развитой личной склонностью к алкоголю, как это имеет место в городах, — пишет Д. Н. Воронов, проведший опрос в Пензенской губернии, — доказывается ничтожным числом среди крестьянского населения как регулярных потребителей, для которых вино является обычным спутником пищи, так и алкоголиков, привычных и запойных» [4].

Анализ официальной статистики позволяет выделить в течение года четыре подъема потребления вина: 1) в сентябре и октябре после уборки урожая и его продажи — праздники Покрова и Казанская справляются «разгульно, весело»; 2) «Никола зимний», Рождество увеличивают пьянство; «в марте потребление спиртных напитков спускается до самой низшей нормы в году»; 3) празднование Пасхи и Красной Горки вновь усиливают пьянство; 4) в июне потребление вина опять растет: наступают «заказные», «оброчные», «девятые», «десятые» пятницы, Петров день, сенокос, обычно сопровождающийся систематической выпивкой. Согласно данным Б. Н. Миронова, при всяком удобном случае пили 58 % взрослых крестьян, всегда, когда были деньги — 11 % и только 30 % употребляли алкоголь лишь в большие праздники [5].

В конце XIX — начале XX вв. медицинские работники неоднократно проводили социологические опросы среди различных групп населения с целью выявления характера и форм потребления алкогольных напитков. В 1898 г. профессора Казанского университета провели социологический опрос среди учеников Казанского земского училища, в результате которого выяснилось, что 67,2 % учащихся уже были знакомы с алкогольными напитками, а 50 % были уже пьяными, и только 32,8 % никогда не пили спиртного. Обследование показало, что дети начинали употреблять алкогольные напитки с раннего возраста — 7 — 9 лет. Аналогичные результаты были получены в результате обследования народных училищ Московской губернии в 1909 г. В 7 — 8 лет 61,2 % мальчиков и 40,9 % девочек уже испытали состояние алкогольного опьянения [6].

А. Коровин, выступая на Первом всероссийском съезде по борьбе с пьянством, приводил шокирующую статистику распространения пьянства среди детей. Он утверждал, что главной причиной детского пьянства является пример родителей. Из обследованных им детей (22 617 чел.) 68,3 % мальчиков и 72,2 % девочек начали пить с подачи родителей. На вопрос: «Не стыдно тебе пить водку?» они отвечали: «Чего же стыдного? У нас и тятька, и мамка, и дедка и меньшая сестра пьют, а отчего же мне не пить?». На вопрос: «Какие напитки пили?» 30,5 % мальчиков и 21,3 % девочек ответили, что употребляют только водку, 22,2 % и 32,1 % соответственно пили только пиво, 37,4 % и 21,3 % — водку и пиво, 9,9 % и 25,3 % — пили красное «церковное» вино. При этом на вопрос: «Что больше нравится?» 42,1 % мальчиков и 54,9 % девочек предпочитали пиво, 22,6 % и 9,3 % соответственно доброжелательно относились к водке [7].

Проблемой в российском обществе было распространение алкоголизма среди части духовенства. Некоторые церковные чины оправдывали «умеренное» употребление алкогольных напитков. Протоиерей Н. И. Горчаков в 1899 г. говорил: «Правда, я не отказываюсь пить, но не до опьянения, а так, чтобы только весело было, и это полезно, даже в высшей степени, это укрепляет» [8]. Не отставало от «высшего» духовенства и «рядовое». Поповское пьянство становилось привычным компонентом повседневной жизни. Известная картина В. Г. Перова «Сельский крестный ход на Пасху» (1861 г.) наглядно показывает эту оборотную сторону деревенского благочестия. Журнал «Трезвая жизнь» в 1910 г. отмечал, что во многих губерниях строго соблюдали оригинальный обычай. «Всегда, когда в дом вступал священник, крестьянин, получив благословение, садит дорогого гостя в передний угол и предлагает выпить стаканчик для праздничка. Уж для кого, а для батюшки всегда найдется рюмочка. В праздник, всякий проходящий мимо дома священника, обязательно зайдет к нему с определенной целью — выпить. В некоторых домах подносит сам батюшка..., в других эта роль принадлежит матушке. По этому стаканчику крестьяне определяют радушие своего батюшки» [9].

Пьянство было распространено и среди солдат. Для предотвращения массового потребления алкоголя военными издавались различные постановления. Степной генерал-губернатор в постановлении от 7 января 1906 г. запрещал продажу нижним воинским чинам спиртных напитков без представления ими надлежащих разрешительных удостоверений от начальства [10]. Приказ Омского полицмейстера от 19 октября 1908 г., в частности, гласил: «... пьяные нижние (воинские) чины должны быть задерживаемы до вытрезвления в каталажных камерах» [11]. Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей неоднократно предписывало продавцам в казенных лавках закрывать последние тотчас по объявлении о призыве на службу нижних чинов запаса до закрытия сборного пункта [12].

Употребление алкогольных напитков в войсках поддерживалось благодаря «казенным винным порциям», которые выдавались строевым солдатам три раза в неделю (по 0,16 л), нестроевым — два раза. Выдавалась чарка на параде в торжественной обстановке, выпивалась залпом, натощак и без закуски. Эта торжественность винопития, санкционированная примером начальника, исключала возможность появления мысли о негативном отношении к спиртному: если начальство выдает по праздникам водку, значит, водка не зло, и пить ее можно не только по праздникам и не только по чарке. Винная чарка была не единственным источником пьянства в армии. В полковых буфетах и лавках разрешалась свободная продажа водки. Полк из 2 500 человек тратил в среднем ежегодно на спиртные напитки в своей лавочке около 20 500 руб. (в среднем по 8,2 рубля на человека). Пьянство в среде военных набирало всё большие обороты, и правительство, заинтересованное в боеспособной армии, в декабре 1908 г. приказом по военному ведомству отменило выдачу чарки, запретило продажу водки и крепких спиртных напитков в солдатских лавках и буфетах [13].

Вероятно, этот приказ мало кто исполнял, поскольку приказом по военному ведомству от 22 мая 1914 г. вновь было объявлено Высочайшее повеление о принятии к неуклонному исполнению мер против потребления спиртных напитков в армии. В числе принятых мер такие как: запрещение открытых буфетов с выставкой вин и закусок, разрешение продавать спиртное только во время обедов, ужинов и завтраков в точно установленные начальниками часы, нижним чинам было воспрещено употреблять спиртные напитки на действительной службе, и т.д. [14].

Уровень душевого потребления алкогольных напитков в России в конце XIX — начале XX вв. имел четко выраженные социальные различия. Потребление водки было тесно связано и обусловлено народными привычками, традициями, религиозными верованиями, характером и бытом русского крестьянина. Духовенство, находясь в постоянном контакте с крестьянством, начинало перенимать традиции и обрядовые стороны потребления алкоголя. Высокий уровень потребления спиртных напитков среди рабочих объясняется тяжелыми социально-бытовыми условиями проживания и труда. Потребление алкоголя начиналось в юношеском возрасте и было широко распространено среди взрослого населения и юношества.

Библиографический список

1. Статистика по казенной продаже питей за 1910 г. Вып. 3. — СПб., 1912. — С. 55; Статистика по казенной продаже питей за 1914 г. Вып. 3. — Пг., 1916. — С. 58.
2. Первушин, С. А. Опыт теории массового алкоголизма в связи с теорией потребностей / С. А. Первушин. — СПб., 1912. — С. 13.
3. Зайцева, Л. И. С.Ю. Витте и Россия: Казенная винная монополия (1894 — 1914 гг.): по научным публикациям и архивным материалам конца XIX — начала XX вв. / Л. И. Зайцева. — М., 2000. — С. 95 — 96.
4. Труды Первого всероссийского съезда по борьбе с пьянством. — СПб., 1910. — Т. 3.— С. 10.
5. Миронов, Б. Н. Социальная история России / Б. Н. Миронов. — СПб., 1999. — Т. 1. — С. 458.
6. Скаржинский, Л. Б. Антиалкоголизм в школах / Л. Б. Скаржинский. —СПб., 1900. — С. 1.
7. Бородин, Д. Н. Пьянство среди детей / Д. Н. Бородин // Труды Первого всероссийского съезда по борьбе с пьянством. — СПб., 1910. — Т. 3. — С. 570.
8. Протько, Т. С. В борьбе за трезвость: страницы истории / Т. С. Протько. — Минск, 1988. — С. 29.
9. Трезвая жизнь. — 1910. — № 5-6. — С. 530 — 531.
10. Государственный архив Омской области (ГАОО) Ф.14. Оп.1. Д.1160. Л.5.
11. ГАОО Ф.14. Оп.1. Д.1195. Л.202
12. ГАОО Ф.92. Оп.1. Д.191. Л.84; Д.100. Л.86, 87.
13. Протько, Т. С. Указ. соч. — С.31 — 32, 34 — 35.
14. Маркович, М. К борьбе с пьянством в армии / М. Маркович // Трезвая жизнь. — 1914. — № 7 — 8. — С. 126.

БЫКОВА Анастасия Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры отечественной истории.
E-mail: anastasyigen@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 10.02.2009 г.

Книжная полка

Чащин, А. Сретенск. Страницы истории / А. Чащин. — Чита : Экспресс-издательство, 2009. — 256 с. : ил., фото — ISBN 978-5-9566-0130-3.

На примере города Сретенска рассматриваются различные аспекты истории Забайкалья, начиная с XVII в. по начало 1920-х гг. Автор, рассматривая денежные знаки и денежное обращение на территории Забайкалья в 1917 — 1920 гг., акцентирует взгляд на местных денежных знаках города Сретенска, уделяя особое внимание роли казачества, купечества и военнопленных Первой мировой войны. Книга имеет богатое иллюстративное оформление.

Рассчитана на историков, бонистов, краеведов, а также всех интересующихся историей Забайкалья.

Автор будет благодарен всем за любую дополнительную информацию и изображения неописанных сретенских денежных знаков (rus@chitaonline.ru Чащину Александру Ильичу).